

Жорес Александрович Медведев (р. 1925) — видный учёный-биохимик, геронтолог, советский диссидент, историк-публицист, брат-близнец известного историка и общественно-политического деятеля Роя Медведева. Их отец, Александр Романович Медведев, преподавал в Военно-политической академии в Ленинграде. В 1938 году он, уже бригадный комиссар РККА, был репрессирован и сгинул в ГУЛАГе.

Одно из направлений в обширной сфере научных исследований Жореса Медведева — история сталинизма. Он крупный специалист в области развития советской биологической науки в СССР в 1920–1960-е годы. Его книга «Биологическая наука и культ личности», вышедшая в 1962 году в самиздате, стала первой основательной неподцензурной работой по этой проблематике. За содержащуюся в ней острую критику «научной» деятельности «народного академика» Трофима Лысенко, находившегося тогда в фаворе у Хрущёва, автор был изгнан из Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Однако этот «урок» впрямь ему не пошёл. Обосновавшись на новом месте — в Институте медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске, Жорес Александрович спустя несколько лет вновь «выступил» в самиздате, причём на сей раз с двумя книгами: о контроле КГБ СССР за сотрудничеством советских учёных с зарубежными коллегами и о цензуре западной научной информации, поступавшей в Советский Союз. За свою диссидентскую активность в мае 1970 года Медведев был насильственно помещён в Калужскую психиатрическую больницу, что вызвало бурю протестов со стороны элиты советской научной и художественной интеллигенции. В ре-

ЭПОХА И ЛИЦА
Геннадий КОСТЫРЧЕНКО,
доктор исторических наук

ВРЕМЯ ЖОРЕСА

Жорес Александрович и Маргарита Николаевна Медведевы на юбилейном концерте в Лондоне по случаю 65-летия Победы. Май 2010 г.

зультате уже через несколько недель его освободили. А через год по этому поводу с обложки вышедшей на Западе книги братьев Медведевых миру был задан риторический вопрос: «Кто сумасшедший?» — названия, ставшего своего рода диагнозом советской системе.

Желяя избавиться от беспокойного учёного, власти в конце 1972 года не стали возражать против его годичной научной командировки в Англию. Они воспользовались этим обстоятельством, чтобы, обвинив Жореса Медведева в антисоветской деятельности, лишить его в августе 1973 года советского гражданства. С тех пор он постоянно проживает в Великобритании. Вместе

с тем в последние двадцать лет — после возвращения гражданства в 1990 году — он часто приезжает в Россию, интенсивно публикуясь на Родине, издавая здесь преимущественно свои новые исторические работы, а также научную публицистику на злобу дня.

Предлагаемый читателю новый автобиографический очерк Жореса Медведева — ценное свидетельство человека, сохраняющего, несмотря на все перенесённые тревожения долгой жизни, способность остро и вместе с тем взвешенно и объективно мыслить. Притом что его суждения и оценки сформулированы отнюдь не с позиции бесстрастного, пассивного наблюдателя исторических событий и явлений, а активного их участника, всегда находившегося — физически или ментально — в их гуще.

В 2003 году Жорес Медведев издал вызвавшую бурную полемику книгу «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ». И хотя к этой работе испытывал, видимо, и личную непричастность, имея по линии матери еврейские корни, тем не менее и тут он не позволил себе ни в чём поступиться научной методологией исследования. Критически осмыслив и развив последние достижения отечественной исторической науки, сделал свой выбор в пользу тех учёных, которые выступили против застарелого мифа о том, что Сталин намеревался в 1953-м депортировать евреев на Дальний Восток.

Несмотря на почтенный возраст, Жорес Александрович продолжает предпринимать разнообразные научно-исторические штудии, радуя читателей новыми интересными книгами и статьями. Хотелось бы искренне пожелать ему ещё многих лет плодотворной творческой жизни.

МЕМОАРЫ

Жорес **МЕДВЕДЕВ**

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

КУБАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Наша семья встретила войну в Ростове-на-Дону. Мне было тогда 15 лет. Но уже через три месяца немецкая армия захватила Таганрог, в ста километрах от Ростова. Мы, бросив всё, уехали в Тбилиси, город, где я родился. Когда пришла повес-

Жорес Медведев на кафедре ботаники за микроскопом.

тка из военкомата, предписывавшая явиться 1 февраля 1943 года с вещами и документами, я ещё учился в десятом классе и мне лишь недавно исполнилось 17 лет. В войне уже произошёл поворот. Советская армия, освобождая Северный Кавказ, приближалась к Краснодару. Армии срочно требовались пополнения и срок призыва был сдвинут на год вниз и два года вверх. Молодых новобранцев отправили на обучение в Кутаиси. Здесь за городом была территория резервного полка, в котором шло ускоренное обучение военному делу: стрелять, бросать гранаты, ползать по-пластунски, колоть штыком, бить прикладом, орудовать сапёрной лопаткой. Я попал в первую маршевую роту нашего призыва, которую отправляли в действующую армию в конце апреля. Военный эшелон двигался из Кутаиси в Краснодар через Баку и весь недавно освобождённый Северный Кавказ. На станциях местные жители приносили нам молоко и хлеб, иногда и сало. Из Краснодара на машинах мы доехали к станции Крымской на Таманском полуострове. Эту станцию освободили лишь неделю назад в боях по прорыву «Голубой линии» немецкой армии, защищавшей подступы к Новороссийску и к Керчи. С моря, недалеко от Новороссийска, был высажен десант, потеснивший немцев и создавший плацдарм. Это была знаменитая Малая Земля. По плану командования, который был нам объяснён после зачисления в 169-й стрелковый полк 1-й особого назначения дивизии 56-й армии, наш полк был включён в группу прорыва второго рубежа «Голубой линии» и в освобождение станции Киевская. Для поддержки пехоты была стянута мощная техника, в основном артиллерия, не менее 200 стволов на километр фронта. Пехотным частям, прорвавшись через немецкую оборону, предстояло взять с ходу и следующий рубеж — «на плечах отступающего противника», как говорилось в зачитанном приказе. У немецкой армии на подступах к Новороссийску было много укреплённых узлов.

Военные операции на Таманском полуострове почти неизвестны в западной литературе по истории войны, хотя здесь была наивысшая концентрация войск по сравнению с другими фронтами. На линии фронта, немногим больше 100 км, была дислоцирована 17-я немецкая армия, имевшая 16 пехотных дивизий, две танковые и четыре отдельных полка. Из Крыма немецкую армию прикрывали больше тысячи самолётов. Это почти столько же войск и техники, сколько было в армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. С советской стороны на Таманском полуострове действовали три армии, состоявшие из 21 дивизии и пяти отдельных бригад. На линии прорыва в 30 км перед 56-й армией, которой командовал генерал Гречко, в глубокой обороне стояли пять немецких дивизий. Прорыв немецкой обороны после мощной артподготовки и ударов с воздуха был сравнительно быстрым. Проволочные заграждения были размётаны по сторонам. В немецких траншеях — они шли в несколько рядов — мы, держа винтовки с примкнутыми штыками наготове, пробегали в основном по трупам немецких солдат. Главной проблемой на подступах к траншеям были противопехотные мины. Они были везде, не менее тысячи на каждый километр фронта. Мы приближались к немецким окопам рядами, друг за другом. Тот, кто был впереди, нередко наступал на мину...

За немецкими позициями была уже степь, очень холмистая. Вдали зеленели сады станции Киевской. Но перед ней была заранее построена ещё одна линия многослойной немецкой обороны, с колючей проволокой и минными полями. Взять её с ходу «на плечах отступающего противника» наш полк уже не смог. Противник не отступал, а строчил из пулемётов. Мы залегли и стали окапываться. Мне повезло: поблизости оказалась воронка от бомбы, которую я быстро превратил в глубокий

окоп. Стало смеркаться. В темноте приехала и полевая ротная кухня на конной тяге, подвезли хлеб, махорку, сахар и бутылки с водкой. Во время боёв каждому бойцу полагались знаменитые «наркомовские сто грамм». Горячей едой наполняли котелки. Пшённая каша с американской тушёной. Но очередь к ротной кухне выстроилась небольшая. Днём раньше в лесочке перед началом прорыва в роте, которой командовал капитан Петров, было 150 стрелков. Она была полностью укомплектована. К вечеру первого дня боёв в строю остались 30 человек. После кухни подвезли боеприпасы. Я взял себе ящик патронов и шесть гранат. Другие бойцы тоже запасались надолго.

На следующий день немцы неожиданно предприняли контратаку. Их генералы знали, что против их линии стоят разреженные части в беспорядочных индивидуальных окопах. Управлять такой обороной трудно. Каждый солдат действует самостоятельно. Главный удар контратаки был направлен на соседний полк. Мы были выше, они внизу, метров 400–500 от наших позиций. Были видны ползущие вдали немецкие танки, около 20. Сразу за ними маленькие фигурки солдат. Из штаба полка прибежал связной, младший лейтенант, передал приказ — «поддержать соседей огнём». После этого он не вернулся в штабной блиндаж, а спрыгнул в мой окоп, у меня было достаточно места на двоих. Прицельный огонь по бегущим немецким солдатам на таком расстоянии был невозможен. Но я стрелял в направлении танков, быстро меняя обойму с обоймой. Патронов было много. Младший лейтенант вдруг попросил: «Дай пострелять». Я отдал ему винтовку и присел отдохнуть. Он высунулся, прицелился, но выстрелить не успел. Раздался какой-то булькающий звук и мой сосед стал сползать вниз. Он был мёртв, пуля пробила ему шею. Прежде чем встать я высунул на штыке наружу свою каску. Дзинь! — каска пробита навывлет. Советские каски были слишком тонкими. Они защищали лишь от осколков мин и гранат. Где-то недалеко наши позиции уже держал под прицелом немецкий снайпер.

Контратака противника была отбита. Индивидуальные окопы не дают возможности манёвра, но из них в открытой степи никто не побежит. Нужно биться до конца. Патронов и гранат у каждого бойца и там было много. На поле боя остались три немецких танка. Ночью бойцов соседнего полка отвели в тыл, заменив резервным батальоном. Многих выносили на носилках...

БИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА ИЛИ АГРОНОМИЯ?

В январе 1944 года я приехал из Ростова-на-Дону в Москву с намерением поступить на биологический факультет МГУ. Приёма студентов зимой нет, но у меня не было другого выхода. В декабре 1943-го раздробленные пулей на Таманском фронте кости стопы срослись достаточно прочно, что позволило мне сменить костыли на палочку. После ранения я побывал в трёх военных госпиталях — сначала в Краснодаре, затем в Баку и потом в Тбилиси, моём родном городе. С Таманского фронта летом 1943 года шёл настолько большой поток раненых, что все госпитали в Закавказье были переполнены. Оказаться вдруг в Тбилиси было большой удачей. Мама ничего не знала о моей судьбе почти три месяца. Брат Рой был на военной службе в тыловых частях. Как демобилизованный из армии по инвалидности, я имел теперь право вернуться в Ростов, который был освобождён весной 1943 года. Действовали указы, которые гарантировали возвращавшимся в освобождённые города право на жилплощадь.

Ростов-на-Дону, который был дважды оккупирован — осенью 1941-го и летом 1942-го, подвергался сильным бомбардировкам. Но пятиэтажный дом № 78 на Пушкинской улице, в котором была наша двухкомнатная квартира, стоял

невредимым. Квартира эта принадлежала тётке Наде с бабушкой. Мы переехали к ним после ареста в Москве нашего отца Александра Романовича, профессора военной академии. Он был осуждён как «бухаринец» и умер в марте 1941 года в одном из лагерей Магаданской области. Отец был очень сильным мужчиной и физически закалял и нас с братом с раннего детства. Но работу на медных рудниках на Колыме не выдержал и он. В нашей ростовской квартире жили теперь сразу три семьи, переселённые из разрушенных домов. Хлопотать о её возвращении не имело смысла. Никаких принадлежавших нам вещей там уже не было. Пропала и большая библиотека отца, которой мы дорожили больше всего. Моя двоюродная тётка, хорошо известный в Ростове зубной врач с собственным кабинетом на проспекте Будённого, не уехавшая из города, была расстреляна вместе с мужем при ликвидации немцами всех ростовских евреев. (Вторичная оккупация Ростова произошла 24 июля 1942 года. Но уже 11–12 августа все оставшиеся в городе евреи, около 15 тысяч человек, включая детей, были расстреляны в Змиевской балке за городом.) Мы убеждали тётку уехать, но она не хотела всё бросать, надеясь на свою русскую фамилию — «Сахарова» — и на то, что хорошие зубные врачи нужны при любом режиме. Своих детей у неё не было. В её замечательную квартиру вселился при оккупации офицер гестапо. Теперь там тоже жили несколько семей.

В Ростове я прожил около недели. Мне дала приют мать школьного друга Кости Рагозина, который воевал где-то в Белоруссии. Его отец «пропал без вести» летом 1942 года на подступах к Сталинграду. Делать в городе мне было нечего, и я пошёл на вокзал, чтобы ехать в Москву. В то время в каждом пассажирском поезде был вагон «для раненых», в который одетым в солдатскую шинель можно было садиться без билетов. Ехали в большой тесноте. Прямого сообщения между Ростовом и Москвой ещё не было, и поезд проезжал через руины Сталинграда. В Москве я оказался лишь через шесть дней. В дороге на станциях для возвращавшихся из госпиталей демобилизованных были особые столовые. Четверть пассажиров вагона составляли тяжёлые случаи, нередко без ног. Их сопровождали санитары или медсёстры.

Декан биофака принял меня приветливо и был готов зачислить кандидатом в студенты для начала учёбы в октябре. Инвалидов войны принимали в то время в вузы вне конкурса и без вступительных экзаменов. Студентов-мужчин было очень мало. Но университет, только недавно вернувшийся из эвакуации в Казань, не имел ещё общежития для студентов. Во втором медицинском институте были те же проблемы с общежитием. Директора института явно удивила моя эрудиция, касающаяся проблем медицины, основанная на книгах Мечникова, Поля де Круи и Богомольца, прочитанных ещё в Ростове. Он был готов принять меня в студенты сразу, но лишь на санитарный факультет. «Вы пропустили анатомию человека, без неё на лечебном факультете делать нечего. Нужно ждать до осени».

В Москве я жил уже пять дней, ночуя либо на Казанском, либо на Ленинградском вокзалах. При карточной системе на продукты питания купить какую-то еду можно было лишь на вокзалах — в буфетах отдельных залов для военных и демобилизованных. Кое-где были и столовые для раненых. Сотни тысяч инвалидов войны, выписанных из госпиталей, путешествовали по стране, не имея возможности вернуться домой. Власти просто не знали, что с ними делать, и вокзалы стали для них общежитиями. Их родные города и деревни были сильно, а часто и полностью разрушены либо не освобождены. В январе 1944 года Крым и Одесса были ещё оккупированы немецкой армией, бои шли за Кривой Рог. Именно в

это время произошёл разгром немецких армий, окружавших Ленинград. Всю Белоруссию, Прибалтику и Молдавию ещё предстояло освобождать.

В Петровско-Разумовское, где раскинулись на большой территории красивые учебные корпуса, общежития, опытные поля, пруды и лес Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, я приехал на пригородном поезде с Ленинградского вокзала. Декан агрономического факультета профессор Николай Александрович Майсурян оказался моим земляком, он родился и окончил университет в Тбилиси. Я снова получил предложение стать кандидатом в студенты. Но до начала нового учебного года мне предложили работу и общежитие. Работа была простая, но опасная: промывать концентрированной соляной кислотой белый кварцевый песок, чтобы освободить его от всех минеральных солей. В подвале, где стояли промывные баки, приходилось надевать противогаз. Этот песок, отмывавшийся затем и от соляной кислоты простой и дистиллированной водой, тоннами использовался для агрохимических и физиологических опытов с разными комбинациями удобрений. Весной, как рабочему опытной станции, мне предложили две сотки уже распаханного поля учхоза Отрадное под огород. В октябре, когда я наконец стал студентом, под моей кроватью в общежитии лежали два больших мешка с картошкой.

ТРОФИМ ДЕНИСОВИЧ ЛЫСЕНКО

Мои интересы в области проблемы старения сложились, когда мне было 15–16 лет. Зимой 1942 года я часами просиживал в публичной библиотеке Тбилиси, конспектируя монографию А. В. Нагорного «Проблема старения и долголетия», изданную в Харькове в 1940 году тиражом всего в 400 экземпляров. В сельскохозяйственной академии были кафедры зоологии, ботаники, химии и физико-химии, физиологии и биохимии. То, что это применялось к растениям и животным, а не к человеку, не имело значения. Растения и животные тоже стареют, хотя и неодинаково. Для животных необходимость старения тела достаточно логично объясняла теория Вейсмана о смертности сомы и бессмертии зародышевой плазмы. Но у растений явно не было отдельного от сомы зародышевого пути. Они были способны к неограниченному вегетативному размножению. Точка роста стебля, состоящая из быстро делящихся вегетативных клеток, которые образовывали листья, неожиданно весной, летом или в тёплых краях осенью, а иногда и через год, вдруг начинала формировать цветок с полным набором мужских и женских репродуктивных органов. Первая теория, которая сформировалась у меня, пыталась объяснить именно эту загадку. Я предположил, что в точках роста растений среды в основном соматических клеток есть и потенциально зародышевые. Соматические клетки, замедляя свои деления из-за старения, постепенно замещаются зародышевыми, и именно поэтому точка роста начинает формировать не листья, а цветок с половыми органами. Моя теория в чём-то дополняла теорию стадийного развития растений, которая прославилась Трофима Лысенко ещё в 1929 году, когда он впервые на практике смог довести озимую пшеницу до репродукции при весеннем посеве, продержав проросшее зерно две недели под талым снегом. Я изложил свою теорию рукописью на пяти страницах каллиграфическим почерком и послал в апреле 1945 года по почте один экземпляр академику Лысенко, президенту Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), а другой передал заведующему кафедрой ботаники нашей академии (ТСХА) профессору Петру Михайловичу Жуковскому. Недели через две я получил ответ в конверте ВАСХНИЛ. Письмо от Лысен-

ко было коротким: «Уважаемый Жорес Александрович! Ваши идеи кажутся мне интересными. Будете в Москве — заходите. Академик Т. Д. Лысенко».

ВАСХНИЛ в Большом Харитоньевском переулке в центре Москвы занимала здание старинного дворца князей Юсуповых. Табличка сбоку от входа извещала, что это памятник архитектуры XVII века, охраняемый государством. В обширной приёмной перед дверьми кабинета президента уже сидели около 30 человек. Многие явно приехали издалека и из деревень. Встречали приезжавших секретарша и помощник, спрашивая о причинах визита. Я показал помощнику письмо. Лысенко начинал приём в 11.00. Нам объяснили, что академик принимает не по очереди, а всех сразу. Он будет беседовать сперва с агрономом, который приехал из Сибири. Но мы будем сидеть в кабинете и можем задавать вопросы и делать реплики. Нередко, как нам сказали, люди приходят к академику с одними и теми же проблемами. Нет никаких ограничений на записи. Интересные мысли приходят академику часто именно в ходе таких бесед.

Точно в 11.00 посетители стали входить в большой кабинет президента. Лысенко уже сидел за своим огромным столом, он вошёл через отдельную дверь. Кабинеты крупных советских администраторов всегда состояли из двух комнат: одна большая — для приёмов, вторая — «личная», с диван-кроватью для отдыха, буфетом и санузелом. Стол Лысенко был завален сельхозпродукцией: несколько снопиков пшеницы и ржи, крупные картофелины, початки кукурузы. Большие снопы пшеницы, привезённые из разных концов страны, стояли возле стен, недалеко от письменного стола. Стулья для посетителей располагались вдоль боковых стен. Книжных шкафов, которые всегда встречались вдоль стен кабинетов деканов, директоров и профессоров, не было видно. «Садитесь, — обратился к нам Лысенко, неожиданно громким, но очень хриплым голосом, — я буду говорить с агрономом из Омской области (он назвал фамилию). У него вопрос по поводу посевов озимой пшеницы по стерне». (В 1943–1944 годах посевы озимой пшеницы по стерне в Сибири по методу Лысенко, то есть по необработанному, не вспаханному полю, были главной темой дискуссий в сельскохозяйственных кругах.)

В 1942 году наступление немецкой армии на Северный Кавказ и на Сталинград началось лишь в конце июля, когда уборка урожая озимой пшеницы была уже завершена. Большую часть зерна успели вывезти в Закавказье и за Волгу. Но посев озимой пшеницы для урожая 1943 года проводить было негде. В Сибири озимую пшеницу не сеяли, она вымерзала. Лысенко предложил сеять озимую пшеницу в Омской и Новосибирской областях по стерне от убранной яровой, то есть по не вспаханым полям. В августе–сентябре 1942-го в Челябинской, Новосибирской и Омской областях были посеяны по стерне сотни тысяч гектаров. Результаты были противоречивыми. В одних колхозах был урожай, в других — посевы вымерзли. Агроном из Сибири был из тех, у кого урожай пострадал. Собрали, сколько и посеяли. Начался спор. Сидевшие вдоль стен активно в нём участвовали. Около часа дня в кабинет вошли официантки с подносами, раздавая сидевшим посетителям крепкий чай в стаканах с серебряными подстаканниками и

Александр Романович Медведев, отец.

большие бутерброды с красной икрой и с сёмгой. Это было приятным сюрпризом. К трём часам дня приём закончился. Лысенко сказал, что его ждут на совещании в Кремле. До обсуждения моей теории дело не дошло. Но я возвращался в общежитие вполне удовлетворённым.

ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным учёным нашей академии. Он был академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии и автором считавшегося лучшим учебника ботаники. В экспедициях в Малую Азию, Сирию, Месопотамию он собрал тысячи образцов культурных растений, написал книгу «Земледельческая Турция» и открыл в Закавказье новый вид ранее неизвестной пшеницы.

Жуковскому не требовалось отвечать на моё письмо. Ботаника была одним из главных предметов первого курса, и каждую неделю наша учебная группа приходила на кафедру ботаники в учебный корпус № 17 для практических занятий. Из 20 членов группы я был единственным мужчиной, и Жуковский меня уже знал. После очередного семинара мне сказали, что Пётр Михайлович ждёт меня в своём кабинете. Жуковский встретил меня приветливо, даже сердечно. Лаборантка принесла нам чай и бутерброды с сыром. Жуковский похвалил мой почерк и стиль. «Ваша рукопись написана хорошим научным языком». Расспросил немного обо мне. «Мой сын Алёшка сейчас тоже на фронте, уже в Германии, надеюсь, что он не погиб. Давайте вместе проверять вашу теорию. У нас на кафедре есть лаборатория эмбриологии и цитологии растений. Мы дадим вам хороший микроскоп. Но нужно ещё многому научиться...» На следующий день я пришёл в лабораторию. Ею руководила опытный цитолог Анаида Иосифовна Атабекова, доцент. Как оказалось, она была женой декана Майсурия и тоже родилась в Тбилиси.

Через две недели война закончилась. Сын Жуковского Алёшка не погиб, и через год я с ним познакомился. Мой ростовский друг Костя Рагозин был убит в уличных боях в Берлине. Об этом я узнал от его матери при новом посещении города в 1946 году.

НИКИТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Я учился и работал очень интенсивно. Из Германии по репарациям в конце 1945 года привезли в ТСХА новейшее микроскопическое оборудование и лабораторную посуду. Я освоил работу на микротоме, научился окрашивать срезы с точек роста растений, делать микрофотографии. В Германии ещё в 1939 году было опубликовано исследование, показавшее, что у одноклеточных водорослей *Chlorella* мужские и женские клетки содержат разные наборы каротиноидных пигментов. Эти пигменты почти всегда присутствуют в пестиках и в рыльцах цветков растений. Жуковский поручил мне собрать по этому вопросу всю возможную литературу на английском. Он сам свободно владел немецким и французским, но не английским. Я сделал для него переводы с английского большого числа публикаций, и в начале 1948 года он подготовил под двумя нашими фамилиями обзор «Значение световой энергии

и каротиноидов для развития бесполого и полового поколений в растительном мире», который был вскоре опубликован в журнале «Успехи современной биологии».

Весной этого же года Жуковский предложил мне командировку в Государственный Никитский ботанический сад в Крыму для экспериментального изучения состава каротиноидных пигментов в мужских и женских органах растений. Мне нужно было досрочно сдать зачёты и экзамены за четвёртый курс, чтобы выехать в Крым как можно раньше. Большинство растений цветут весной. По теории Жуковского некоторые продукты обмена каротиноидов могли играть роль растительных половых гормонов.

Лаборатория биохимии Никитского ботанического сада, расположенного недалеко от Ялты, имела отличное оборудование, привезённое из Германии по репарациям, и обширный набор химических реактивов. Заведующий лабораторией профессор Василий Иванович Нилов был другом Жуковского. Никитский ботанический сад, основанный как «императорский» в начале XIX века, имел богатую коллекцию южных и субтропических растений. Я приехал сюда в середине апреля и быстро приступил к работе.

Главной проблемой для всего побережья Крыма была, однако, вода. В период оккупации Крыма немцы в 1941–1944 годах на склонах гор вырубали все леса. Это было сделано как мера борьбы с партизанами. В лесах прятались остатки нескольких дивизий Красной армии, отрезанных быстрым немецким наступлением летом 1941 года, и немалое число участников многомесячной обороны Севастополя. Боеприпасы и продовольствие им сбрасывали с самолётов. При отсутствии лесов на склонах гор вода дождей не питала родники, дававшие в прошлом водопроводную воду Ялте, а смывала почву склонов в море. После каждого дождя море становилось коричневым на 2–3 км. Сильно страдал и Никитский ботанический сад, многие редкие растения которого требовали полива. Питьевую воду для жителей Ялты и всего побережья привозили по морю танкерами.

На одном из холмов возле Никитского сада был охраняемый лагерь немецких военнопленных, около 200 солдат. Они занимались работами по созданию на склонах плоских террас и водосборных сооружений, чтобы уменьшить смыв почвы в море и накапливать воду для поливов. Война всё ещё напоминала о себе. Недалеко от Никитского сада по приморской «пушкинской» тропинке в Гурзуф стоял небольшой монумент с надписью: «На этом месте 17–18 декабря 1942 года были расстреляны немецкими оккупантами более пяти тысяч советских граждан — жителей Ялты». Я понимал, что это были ялтинские евреи — мужчины, женщины и дети.

Моя работа была увлекательной. Каждый день утром я плавал в море. Жил в отдельной комнате дома приезжих учёных. Получал даже небольшую зарплату, в дополнение к студенческой стипендии и пенсии «инвалида 3-й группы», которую мне ещё сохраняли, хотя я мог уже и бегать. Была директива правительства — выплачивать пенсии ветеранам и студентам, независимо от состояния их здоровья. Эта идиллия была нарушена 1 августа 1948 года, когда в «Правде» и во всех других

Юлия Исааковна Медведева-Рейман, мать.

центральных газетх был на нескольких страницах опубликован обширный доклад академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке», который был сделан на сессии ВАСХНИЛ, открывшейся 31 июля.

АВГУСТОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

В истории СССР не было прецедентов, чтобы научные доклады учёных любого ранга публиковались в таком формате и одновременно во всех центральных газетах. Такое было возможно лишь для отчётных или директивных докладов на пленумах или съездах ВКП(б). Это означало, что доклад Лысенко был директивным, одобренный Политбюро и лично Сталиным и что рекомендации доклада будут незамедлительно внедряться всеми административными и политическими методами. Между тем основные положения доклада Лысенко были примитивнейшей псевдонаукой, которая возвращала биологию и

все связанные с ней дисциплины на 150 лет назад — к теориям Ламарка о наследовании благоприобретённых признаков. В СССР отменялись и запрещались как реакционные, буржуазные и идеалистические сразу несколько важнейших дисциплин, прежде всего генетика с её хромосомной теорией наследственности, теории генов, мутаций и многое другое. Австрийский монах Мендель просто ошибался, формулируя «гороховые законы», Вейсман со своей теорией зародышевой плазмы был реакционным идеалистом, а хромосомная теория наследственности Моргана служила интересам американских расистов.

В прениях по докладу Лысенко Жуковский выступил с наиболее резкой критикой, защищая в основном хромосомную теорию наследственности и приводя яркие примеры. Но на заключительном заседании сессии 6 августа, после того как Лысенко информировал участников о том, что его доклад был одобрен Центральным Комитетом ВКП(б), Жуковский снова взял слово и объявил о том, что он понял свои ошибки и заблуждения и будет в дальнейшем работать для развития «мичуринской биологии». Двое других учёных, в прошлом критиковавших Лысенко, также публично «раскаялись».

Для меня «августовская сессия ВАСХНИЛ» напоминала февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) в 1937-м, решения которого стали началом террора 1937–1938 годов. Репрессии принесли СССР колоссальный политический, экономический и моральный ущерб и лишили страну наиболее способных людей. Но этот террор сделал Сталина абсолютным диктатором. «Августовская сессия» делала Лысенко диктатором в биологических и сельскохозяйственных науках. Для всей страны такой поворот был катастрофой. Он сильно ослаблял авторитет и позиции самого Сталина как мирового лидера. В руководстве страны явно шла какая-то политическая борьба, мишенью которой был Андрей Жданов, секретарь ЦК и главный идеолог страны, второй по партийному рангу после Сталина. Жданов по линии Политбюро поддерживал критику Лысенко. Юрий Жданов, сын Андрея Жданова и муж дочери Сталина Светланы, был в это время заведующим отделом науки ЦК ВКП(б). Юрий Жданов в марте 1948 года выступил с докладом на совещании пропагандистов, характеризовав идеи Лысенко как псевдонаучные. Теперь «Правда» напечатала письмо Юрия Жданова Сталину, в котором он признавал свои ошибки. Покаяния Жуковского и

Юрия Жданова были частью сценария. Им «разрешили» показаться, и это означало, что их не будут трогать в намечавшемся общем погроме. Я сознавал, что переворот в науке не мог осуществляться без каких-то корней в партийно-государственном руководстве. Было очевидно, что следует ожидать достаточно массовых репрессий не только среди биологов. Но понять всю картину ближайшего будущего я ещё не мог.

Неожиданно в Никитский ботанический сад 10 или 11 августа приехал Пётр Михайлович Жуковский. Ему требовался отдых. Никитский сад имел статус института в системе ВАСХНИЛ. Жуковский как единственный академик-ботаник, представлял в академии научные интересы сада и рецензировал его отчёты и планы. В том же доме приезжих учёных была выделена лучшая комната с верандой и с видом на море. Мы встретились как старые друзья. Он меня обнял, на глазах у него были слёзы. «Я заключил с Лысенко Брестский мир... Поганый мир... Я сделал это ради моих учеников».

ДРУГАЯ АКАДЕМИЯ

Когда я вернулся в Москву в конце сентября, Тимирязевская академия была уже другой. Ректор академии, крупный экономист-аграрник, академик В. С. Немчинов, был смещён. Новым ректором академии стал В. Н. Столетов, кандидат биологических наук, давний сотрудник Лысенко. Был снят заведующий кафедрой генетики и селекции растений академик А. Р. Жебрак, и эту кафедру возглавил сам Лысенко, которому предстояло теперь читать курс «мичуринской генетики» прежде всего студентам пятого курса, которые раньше учились «морганизму-менделизму». Были смещены два декана и много других преподавателей. На кафедре ботаники уволили доцента А. И. Атабекову. Жуковский сохранил свой пост, но на кафедру к нему назначили без его согласия «аспиранта», который был демобилизован из какого-то спецподразделения. Жуковский сразу понял, что это осведомитель из МГБ, и менял тему разговора, если в лабораторию входил «аспирант». Новый аспирант получил от Жуковского «мичуринскую» тему. Ему предстояло изучить возможность переноса иммунитета к грибкам с помощью вегетативной гибридизации. Он работал очень много, сделал сотни прививок, но успеха не добился. Новый ректор Столетов приказами менял темы исследований аспирантов. Мой друг Вася Земский, также инвалид войны, с протезом руки, начавший при кафедре физиологии растений тему по гормонам роста, получил новую тему по физиологии «ветвистой пшеницы», полудикого вида с низким процентом белка, с помощью которого Лысенко обещал удвоить урожай.

В новых условиях у меня было мало шансов остаться в аспирантуре для получения научной степени. Студенты, кончавшие академию, проходили «распределение» по спискам вакансий в колхозах и совхозах, которые вывешивались в деканате. Свободное трудоустройство дипломированных специалистов не практиковалось. Направление в аспирантуру требовало особых характеристик и рекомендаций. Работать по «мичуринским» темам я не мог. У меня возник другой план. Прежде всего я решил продлить срок своего обучения на год и кончать не в 1949, а в 1950 году. Для этого я осуществил перевод из агрономического факультета на факультет агрохимии и почвоведения. Декан Н. А. Майсуриан, сохранивший свой пост ценой покаяния и обещания перейти на «мичуринские» позиции, помог мне и в этот раз. На новом факультете мне предстояло изучать несколько новых полезных для агрохимика дисциплин, и поэтому я оставался на том же четвёртом курсе. У меня впереди были теперь два года учёбы, а не один. За эти два года можно подготовить не только дипломную работу, но и написать диссертацию на со-

искание учёной степени кандидата биологических наук и сдать кандидатские экзамены. Я уже имел две публикации в научных журналах, и три статьи по каротиноидам растений находились «в печати» в «Докладах» Академии наук СССР.

В новом корпусе общежития факультета агрохимии и почвоведения моими соседями по комнате были старые друзья Коля Панов и Борис Плешков, оба инвалиды войны. Панов был ранен в ногу в Сталинграде. Борис Плешков, поступивший в академию в 1945 году, был контужен при взрыве снаряда в Чехословакии. В соседней комнате жили четыре студентки. Одной из них была Рита Бузина, моя будущая жена.

Политическое положение в стране между тем мрачнело каждый месяц. Андрей Жданов умер от инфаркта в конце августа. Главным идеологом ВКП(б) стал Георгий Маленков, консерватор, антисемит и покровитель Лысенко. Начались гонения на Вячеслава Молотова, второго после Сталина человека в правительстве. В январе 1949-го была арестована жена Молотова Полина Жемчужина, обвинённая в сионизме. Теперь «наследником» Сталина становился Маленков, союз и дружба которого с Лаврентием Берия не сулили ничего хорошего. Николай Вознесенский, молодой член Политбюро, способный экономист и организатор и первый заместитель Сталина в правительстве, вдруг тайно «исчез» без всяких объяснений. 1 мая 1949 года его портрета не оказалось среди портретов членов Политбюро, которые вывешивались в центре Москвы. Как выяснилось позднее, он был арестован в начале 1949-го по «Ленинградскому делу», о котором знали лишь в Ленинграде, и тайно расстрелян вместе со своим братом и ленинградскими партийными лидерами. Смертная казнь была отменена в СССР в 1947 году в честь 30-летия Октябрьской революции. 12 января 1950 года производится восстановление смертной казни по отношению к изменникам родины, шпионам и диверсантам. Шли аресты и в Ленинградском университете, где в то время учился на философском факультете мой брат Рой. О событиях в Ленинграде я узнавал от него и очень беспокоился о его судьбе. В Ленинграде жила сестра отца Тося, пережившая блокаду города. В Москве также арестовывали в связи с «Ленинградским делом» крупных чиновников в правительстве РСФСР. Суды были закрытыми и приговор приводился в исполнение немедленно. Расстрелянных кремировали и тайно хоронили. Террор начался, но шёл без открытых судов и обвинений. Причина нового террора казалась мне очевидной. Но я ни с кем не делился своими предположениями. Сталин на долгом торжественном юбилейном заседании в Большом театре по случаю своего 70-летия 21 декабря 1949 года выглядел больным, был неподвижен и не промолвил ни одного слова. Он не мог встать с кресла и подойти к микрофону. Но он готовил себе на смену людей, которые не станут заниматься разоблачениями преступлений Сталина и террора прошлых лет. Для этого руки возможных наследников обгадрялись теперь свежей кровью.

КАНДИДАТ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

На летнюю практику в 1949 году я остался в Москве. Анализы можно было проводить на кафедре агрохимии и биохимии растений. В подвале этого же здания я в 1944-м промывал соляной кислотой песок именно для сотрудников кафедры агрохимии, ставивших опыты в вегетационном домике за корпусом. В то время ещё был жив академик Д. Н. Прянишников, ученик К. А. Тимирязева и учитель Н. И. Вавилова, самый в то время знаменитый учёный академии и основатель советской агрохимии. Он имел звание Героя Социалистического Труда и много других наград. Его настойчивость в создании в СССР

нескольких заводов по производству химических удобрений, особенно азотнокислого аммония и калийной селитры, была оценена во время войны. Эти заводы быстро переоборудовались на производство пороха и взрывчатых веществ. Прянишников умер весной 1948 года в возрасте 83 лет. Профессор кафедры агрохимии «оргмеры» 1948-го не коснулись, хотя Прянишников был известным противником Лысенко. Причины их «неприкасаемости» я вскоре понял. В одной из лабораторий кафедры агрохимии, имевшей отдельный вход с улицы и считавшейся «секретной» (здесь изучалось действие на растения радиации), работала уже почти десять лет Нина Теймуразовна Берия, кандидат сельскохозяйственных наук и жена Лаврентия Павловича. Она была ученицей Прянишникова. Её обычно привозила к подъезду лаборатории «Победа» с шофёром. В штате сотрудников кафедры она числилась под своей девичьей фамилией — Гегечкори. На семинары на кафедре и конференции на факультете она не приходила.

В небольшом ботаническом саду кафедры ботаники я начал опыты по изучению биохимических различий мужских и женских экземпляров конопли (*Cannabis sativa*). Осенью 1949 года я начал готовить свою диссертацию. Работал в основном в библиотеке академии. Нередко приходилось ездить для работы в Государственную публичную библиотеку имени В. И. Ленина. В ней был более широкий выбор журналов по биохимии и физиологии растений. К концу февраля 1950 года работа была закончена. Заглавие диссертации «Физиологическая природа формирования половых признаков у высших растений» давало простор для теоретических обобщений. Последняя глава диссертации — опыты 1949 года с коноплей — могла также служить и как дипломная работа. Диссертации в то время имели обычно 200–250 страниц, дипломные работы 40–50 страниц. Никто, даже Жуковский, не знали о моих планах. Случаев представления диссертаций студентами в истории академии не было. Я понимал, что новый ректор академии мог возражать. Жорес Медведев как ученик Жуковского имел репутацию противника Лысенко. Во всяком случае, он явно не «мичуринец». Нужно было всех ставить перед свершившимся фактом. Работа сделана, представлена — теперь решайте. Это как в спорте: перепрыгнул неожиданно атлет более высокую планку, хоть один раз — уже не отнимешь. Я оплатил перепечатку диссертации на машинке на хорошей бумаге. Получилось 260 страниц. Одновременно готовился к сдаче экзаменов по предметам «кандидатского минимума»: марксизм-ленинизм, английский и физиология растений. Я уже решил, что представлю диссертацию для защиты не на учёный совет факультета, а в Институт физиологии растений АН СССР. Директор этого института академик Николай Александрович Максимов был также заведующим кафедрой физиологии растений в ТСХА, и он меня хорошо знал. Он был другом Жуковского, и именно он представлял в «Доклады АН СССР» наши статьи.

Демократическая процедура открытых публичных защит диссертаций на учёных советах факультетов и научных институтов была унаследована в Советском Союзе от традиций императорской России. В других странах присуждение научных степеней происходит иначе: в узком кругу нескольких экспертов, и главную роль играет профессор, под руководством которого данная работа выполнялась. «Российский» вариант позволял Институту физиологии растений АН СССР самостоятельно назначать оппонентов по диссертациям и присуждать степени кандидата и доктора наук тайным голосованием 13 членов своего Учёного совета. Мой руководитель мог присутствовать, но участия в голосовании не принимал. Результаты голосования были окончательным решением. По кандидатским диссертациям в 1950 году не требовалось утверждения решений инс-

титутов Министерством высшего образования. Туда, в Высшую аттестационную комиссию, поступали на экспертизу лишь докторские диссертации. Я хорошо знал тогда противников всей школы П. М. Жуковского. Это были декан факультета агрохимии профессор В. В. Вильямс и В. Н. Столетов. Школа академика В. Р. Вильямса, умершего в 1939 году, была в непримиримом конфликте со школой академика Прянишникова почти 30 лет. Это был принципиальный конфликт о путях развития советского сельского хозяйства. Прянишников считал, что нужно идти по европейскому пути и расширять производство и применение минеральных удобрений. В. Р. Вильямс был против минеральных удобрений, разрушающих якобы структуру почвы, и пропагандировал «травопольную систему» земледелия и преобразование природы степей путём создания лесозащитных полос. В 1948 году, на волне побед «мичуринской биологии», травопольная система была признана единственно правильной. Был принят «Сталинский план» преобразования природы и создания государственных лесных полос по всему югу СССР.

В. Н. Столетов в начале 1950 года уже не был ректором ТСХА. Его назначили заместителем министра сельского хозяйства СССР, а вскоре министром высшего образования СССР. Он теперь переводил всё образование в стране на «мичуринские» позиции.

В марте 1950 года я защитил дипломную работу, сдал государственные экзамены по марксизму и английскому. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 10 марта мне была присвоена квалификация «учёный агроном» по специальности агрохимии и почвоведения. Но реальные дипломы выдавались лишь после определения места работы. Списки вакансий были вывешены в деканате. В конце марта я принёс первый экземпляр рукописи диссертации П. М. Жуковскому. Он удивился, но был обрадован. Моя будущая судьба беспокоила и его. Рукопись он прочитал в течение нескольких дней и ничего не изменил. Он подписал представление на защиту в Институт физиологии, и я отвёз три экземпляра учёному секретарю института. Работу приняли и поставили «в очередь». Защиту обещали осенью. Очередь дошла до меня только 1 декабря 1950 года. В этот день состоялась публичная защита с тайным голосованием. Решение «достойно» было единогласным. На следующий день я получил выписку из протокола: «Решением Совета Института физиологии растений им. К. А. Тимирязева от 1 декабря 1950 г. гражданину Медведеву Жоресу Александровичу присуждена учёная степень кандидата биологических наук».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1990 году, через 40 лет после этой защиты, «вновь я посетил тот уголок земли». Улица, на которой стоял корпус 17, старый и новый, была теперь «улицей Прянишникова». В сквере перед корпусом стоял во весь рост бронзовый памятник Д. Н. Прянишникову. Рядом была мемориальная доска в память о профессоре П. М. Жуковском, умершем в 1975-м в возрасте 87 лет. На стене главного корпуса появилась ещё одна мемориальная доска, самая большая: «Здесь в 1908–1911 годах учился великий советский учёный Николай Иванович Вавилов». Мой друг Борис Плешков, ставший профессором и деканом факультета агрохимии в 1965-м, умер несколькими годами позже. На посту декана в 1972 году его сменил Николай Панов, также профессор и академик ВАСХНИЛ. В 1990 году он был в добром здравии. Мы обнялись и начались воспоминания. Его секретарша вскоре принесла нам бутерброды с икрой и бутылку водки. Чтобы отметить такую встречу, чая было недостаточно...

г. Лондон